

Рудьтура. - 1999. - 8 - 14 апр. - с. 10

Охраняется человечеством

Как мы уже сообщали, 9 апреля в Москве состоится мировая телевизионная премьера фильма французского режиссера Брюно Монсенжана "Рихтер. Непокоренный" — он будет показан на канале ОРТ в 21.30. Этот подарок нашему широкому зрителю сделал Госконцерт, приобретший право двукратного показа ленты. Предлагаем вашему вниманию заметки-размышления о фильме и личности великого пианиста автора статей, известной книги "В путешествии со Святославом Рихтером" Валентины Чемерджи, ныне живущей в Испании.

Когда не стало Рихтера, чувство возникшей пустоты можно было сравнить только с недоуменной осиротелостью людей после ухода из жизни Льва Толстого. Ушел не только великий пианист, гениальный музыкант, легенда XX века — ушел Учитель. Уход такого человека воспринимается как нарушение законов природы. В реальности зияет пустота.

Пока жил Святослав Теофилович, незабываемы были точки отсчета на шкале жизненных и музыкальных ценностей. В двух шагах подстерегало чувство стыда, которого страшались даже те, кто не так уж высоко ценил моральные установления, но, зная, что они все же существуют, в душе побаивались не считаться с ними. Но уж для тех, кто никогда о них не забывал, словно бездна разверзлась.

Ведь едва ли не каждый шаг невольно поверялся тем, что сказал бы или подумал Маэстро. И что удивительно: при полной оригинальности, неожиданности и неповторимости, иногда жесткой, его суждения были просты, и мы знали их, знали главное. И еще: то, что казалось чуть ли не парадоксом, капризом, то, что выходило за рамки разумных и привычных представлений, в дальнейшем оказывалось истиной. Рихтер всегда был прав.

Слова стали затасканными, их употребляли легко и походя, поэтому если я скажу, что главной ценностью и смыслом жизни Святослава Рихтера было искусство и служение ему одному, то никто не споткнется об эту фразу. Между тем это было именно так. Однажды в личном разговоре Святослав Теофилович сгоряча сказал, что убил бы плесневую серной кислотой в "Данаю" Рембрандта или убийцу Пазолини, потому что они совершили преступление против искусства.

Рихтер никогда и ни в чем не погрешил против музыки, он поставил для себя планку на недосягаемую высоту и ни разу не опустил ее. Он не сыграл ни одного сочинения, которого требовали бы мода или конъюнктура, он не сделал ни одного движения в искусстве, которое не было бы продиктовано самим искусством. Трудно представить себе высоту такого отношения к музыке, выбору сочинений, составлению программы сольного или камерного концертов или фестивалей в Туре, Москве, Тарусе.

Его заповедями были серьезность и творческое отношение ко всему, будь то ошарашивающее исполнение подчас хорошо знакомого сочинения, или венский букет и табуретка под него во время "Декабрьских вечеров" ("Вы читали Жан-Поля? Какие цветы входят в венский букет? Где мы возмем в музее табуретку?"), или ответы на бесчисленные письма. Кстати, не было среди них ни одного, на которое Святослав Теофилович рано или поздно не ответил бы.

Любое творческое усилие или благой порыв человека заслуживали уважения. Лишь бы не было халтуры. В слове "халтура" таилось самое большое преступление, которое не прощалось никому. Оправдания не принимались. Помню, в тайге по дороге в Ачинск тряслись в машине уже хороших шесть часов. Святослав Теофилович спросил: "Сколько километров до Ачинска?" — "Не знаю", — ответил сопровождающий из местной филармонии. "Вот видите? Халтура!"

Если по отношению к коллегам неприятие халтуры выражалось в накале и количестве репетиций (он мало говорил во время репетиций, орлиным взором проникал в самую суть произведения и двумя-тремя точнейшими словами направлял в нужное русло работу), в доведении до конца своих грандиозных замыслов (стоит только вспомнить "Трио" Чайковского с О.Каганом и Н.Гутманом или альтовую Сонату Шостаковича с Ю.Башметом), от друзей требовалось без халтуры смотреть фильм, слушать музыку, то есть прийти за полчаса, неторопливо занять места, настроиться и при выключенном телефоне всем существом предаться просмотру фильма или прослушиванию музыки вместе с самым поглощенным зрителем или слушателем и в то же время под его зорким взглядом. Не упустить ни одной детали. Училились, что нельзя не досмотреть плохой фильм, уйти с плохого спектакля. Это несерьезно, неуважение, халтура.

Святослава Теофиловича нисколько не занимало качество аудиовидеотехники (оно было совсем скромное), он был равно-

верненно откровенно рассказывает о самой большой трагедии своей жизни, об оставившей его матери, о расстреле отца. Об этом не смели говорить при его жизни, да и мало кто знал. Он без оглядки говорит о самых великих своих современниках. Об Ойстрахе: "Мне кажется, что это самый лучший скрипач вообще". Рихтер настолько любил Ойстраха, что, когда ему показалось, что в некоем немецком городе Ойстраха обидели, он перестал туда ездить. А Ойстрах-то, оказывается, давно все простил и играл там. Зрители услышат из уст Рихтера суждения о Прокофьеве, Шостаковиче, Караяне, Ростроповиче, о молодых коллегах и друзьях. Узнают, почему Рихтер уехал из Одессы в Москву, о Генрихе Густавовиче Нейгаузе, внешне похожем на его отца, о том, как ему пришлось играть на похоронах Сталина. Этот рассказ (на фоне документальной хроники) так характерен для Рихтера. О чем он говорит? Уж, конечно, не о великом вожде. Он был настолько далек от политики, что даже этот вождь не волновал его, не говоря о последующих. Он говорит о пианино в оркестровой яме, на котором пришлось играть, о кощунстве так неожиданно прервать разработку в Шестой симфонии Чайковского грубыми звуками духового оркестра, игравшего Траурный марш Шопена.

И тем не менее много раз поймешь себя на мысли о том, как точно характеризует Рихтер наше время. Отвращение, вызванное у него суетой сподвижников только что почившего вождя. Рихтер точен в деталях, а именно детали создают образ времени.

Зрителям предстоит услышать запредельные, захватывающие дух записи. Первая же, когда совсем уже слабый Рихтер говорит: "Ну, давайте послушаем Прокофьева". И вдруг, как ураган, сметающий на своем пути все препоны, Рихтер в пору своего расцвета, могучая спина, мощь, страсть. Пятый концерт Прокофьева. И тут уж я останавливаюсь. Увидят и услышат. Скажу только, что все записи, звучащие в фильме, показывают бессилие слов перед музыкой, поражают, сваливают с ног. Среди них есть и неизвестные нам, восстановленные, выкопанные, добытые Брюно Монсенжаном, рассыпанные до того по белу свету, по разным странам и материкам.

Необыкновенно хороша в фильме Нина Львовна Дорлиак — спутница жизни Маэстро. Кипевшие на протяжении всего их романа страсти, как всякая очень глубокая реальность, вдруг всплывают в фильме, прорывающиеся на экран в извечном споре... о занятиях. Святослав Теофилович говорит: "Три часа я играю". На что Нина Львовна возражает: "Когда он был молодой, он играл и 10, и 12 часов". Святослав Теофилович: "Что за глупости? Никогда двенадцати не было!" Не случайно промелькнуло слово "роман". Не терпел Рихтер общеденности, бездарности, "малоспособности", как он выражался. И Нина Львовна, с ее необыкновенной живостью, с шекспировским темпераментом, до последних своих дней на высоких каблучках, в крепдешине, хулендьях, легкая. Царица бала любого столетия. И к сказанному о ней как о певиче Святослав Теофилович добавляет: "Она же выглядела, как принцесса".

"Я себе не нравлюсь", — говорит Святослав Теофилович в конце фильма и закрывает лицо руками. Конеч.

Да, он редко нравился себе. Помню, я как-то раз спросила (шутя, конечно): "Но когда-нибудь Вы все же играли удачно?" На что последовал ответ: "Ну да, конечно. Когда-то в Одессе у меня все вышло".

Великие люди волнуются, волновались перед выходом на сцену и Рихтер. Как очень большой артист, боялся не выполнить все, что считал нужным, выразить все, что хотел композитору. Нес на себе бремя ответственности. Мы всегда слышали Святослава Рихтера — гения. Но у него были свои мерки.

И вот, пройдя весь крестный путь служения искусству, Рихтер говорит: "Я себе не нравлюсь".

Он хотел, чтобы у него "все получалось" — по его меркам. Самодовольства в искусстве не мог себе даже представить, прощался, раставался с довольными собой артистами, не верил в них, не мог отослаться к ним всерьез.

Начинается фильм, и, предвзятого его, звучит в исполнении Маэстро последняя Соната Шуберта, и слушатели буквально пронизывают ощущение: вот оно! То единственное, что могло бы начать и завершить рассказ о жизни Святослава Рихтера.

Пытаешься проникнуть в его тайну, и много-много раз приходит на ум одно и то же слово: вера! Вера в каждую ноту, написанную композитором, в слово поэта, штрих живописца. Серьезная и детская вера. Великий художник и в то же время дитя, непосредственный, откровенный, отразился в зеркале, искусно поднесенном восхищенным Брюно Монсенжаном. Создан фильм — "патримониум мунди", достойное человечества. Фильм снят не в России, но он перешел национальные границы. Фильм-памятник. Охраняется человечеством.

Валентина ЧЕМЕРДЖИ

душен к комфорту вообще. Но вот сила и глубина впечатления от произведений искусства! Вот что главное. "Как? Вы могли еще что-то смотреть в тот же день? Но это же невозможно".

Сферы нравственного и интеллектуального влияния Святослава Рихтера — это весь мир. Многие из самых выдающихся представителей искусства XX века находились у Рихтера музыке, отношению к ней, бесстрашному полету фантазии, вере в невероятное, в его возможность. И в то же время неукоснительной точности следования замыслу автора.

При постановке оперы Бриттена "Поворот винта" (режиссер-постановщик Святослав Рихтер) никто не мог себе представить, как можно сделать, чтобы вся сцена закрывалась бы мириадами летящих светлячков. Все сказали, что это абсолютно невозможно. И, конечно же, светлячки были. С помощью световых эффектов на особом занавесе летели и летели светлячки.

У Святослава Теофиловича было много друзей среди молодых музыкантов. Среди самых любимых был Олег Каган. Маэстро много играл с ним, строго "болел" за него. Сраженный роковой болезнью, Олег играл свой последний концерт за день до смерти. Юрий Башмет вынес его на сцену на руках — Олег уже не мог ходить. Но играл. Играл гениально: смерть отступила в эти мгновения перед духом артиста. И Рихтер, с молодостью воспитавший в себе философское отношение к смерти ("В восемнадцать лет я понял, что все умрут, и похоронил всех"), не мог пережить смерти Олега. Он избегал говорить о нем, потому что не хотел употреблять прошедшего времени. Глубокие, мощные чувства оказались сильнее философии.

Несколько месяцев спустя Святослав Теофилович, Виктор Зеленин и я неспешно шли к нам домой по переулкам, примыкающим к Большой Бронной, — и вдруг у какого-то палисадника Святослав Теофилович остановился и сказал: "Вот скамейка, на которой меня ждет Олег". Это не была оговорка.

Круг духовных наследников Святослава Рихтера очень широк. Они слушали его, они играли с ним в ансамблях, в оркестрах, они пели в его сопровождении, читали вслух, ходили в музеи, наслаждались природой, веселыми играми, шарадами. Они несут в своем творчестве и жизни духовные откровения, бывшие сущностью чуть ли не каждого мига пребывания с великим Маэстро.

И вот случилось чудо. На время, на те два с половиной часа, которые длится его фильм, Брюно Монсенжан возвращает нам Рихтера.

"Рихтер. Непокоренный" — под таким названием вышел фильм Брюно Монсенжана во Франции и Германии. "Рихтер. Загадка" — в Англии и Испании.

Первые кадры: по заснеженным московским улицам в ужасе набекрень, в длинном пальто

идет молодой Рихтер своей гибкой, пластичной, незабываемой походкой. Красивый и загадочный. Но как же больно сожмется сердце у знавших и любивших Маэстро, в чьих сердцах ничуть не потускнел образ Рихтера-гиганта, при виде старца, стоящего на пороге другого мира.

Он сознает это и в своем отрешенном от суеты рассказе — исповеди-признании — спокоен и велик. Он говорит без боли, с обезоруживающей честностью. Он печален, он уже не с нами, хотя все неповторимость этой титанической фигуры не только не поблекла, но стала еще более узнаваема и выпукла. Кто он? Миф? Гениальный пианист? Великий музыкант? Заброшенный в наш мир странник, ищущий совершенства? Артист, исторгавший слезы и приносивший очищение? Маг? "Непокоренный"? Да. "Загадка"? Да. Как явление природы.

В последние годы жизни он много времени провел в Европе, в основном во Франции. Его много раз оперировали, лечили, больницы сменяли друг друга. Он худел, слабел, редко выходил из дома, почти не играл. И это, видимо, предвредило исход: жизнь потеряла для него смысл.

На протяжении всей жизни Святослав Теофилович вел дневник (его страницы мелькнули в фильме), где точно и образно записывал главные события своей жизни, в основном музыкальной. Память же его была настолько феноменальна, что и без помощи дневника он мог с точностью ответить на вопрос, что происходило такого-то числа такого-то года. Это называлось "играть в числа". В эти последние грустные годы Брюно Монсенжан долгими часами беседовал с Рихтером, читавшим ему свой дневник, вспоминавшим отдельные эпизоды своей жизни. Монсенжан записывал текст, но без камер. Уж как ему удалось уговорить Маэстро сесть перед камерой — об этом может рассказать только он сам. В книжечке, приложенной к кассете, Брюно Монсенжан сознается, что был момент, когда он уже собирался снимать фильм только с голосом. Но вот сумел уговорить.

В последний раз я видела Святослава Теофиловича за полтора месяца до его смерти на фестивале в Гранж де Меле, под Туром. Неожиданно для всех (неожиданность — это всегда было очень важно для Рихтера) он впервые за три года появился, точнее, явился на концерт.

В огромном зале было уже почти совсем темно, за секунды до начала концерта вдруг прошелегло его имя, я повернула голову и увидела его лицо, профиль. Оно мало изменилось, но — как удар: оно не на той высоте, не на той, на которой мы привыкли его видеть. Наверное, ему помогают идти... Это было 21 июня 1997 года на фестивале, посвященном творчеству Дмитрия Шостаковича. На концерте, программе которого была составлена Рихтером, прозвучала Соната Сергея Прокофьева для скрипки и фортепи-

ано, четыре Прелюдии и Фуги Шостаковича и его вокальный цикл "Из еврейской народной поэзии". (Исполнители: Елена Брылева, Алексей Мартынов, Александр Мельников, Ирина Ромишевская и Виктор Третьяков). Святослав Теофилович пришел и на другой день, на заключительный концерт фестиваля, 22 июня. В программе были Соната П.Чайковского и Трио Д.Шостаковича. Исполнители: Элисо Вирсаладзе, Наталия Гутман и Виктор Третьяков.

Этот концерт стал последним, на котором присутствовал Святослав Теофилович.

В начале июля Нина Львовна Дорлиак, не оставлявшая Святослава Теофиловича в годы болезни ни на один день, отвезла его на дачу, на Николину Гору.

Он даже начал там понемногу заниматься. Его окружали друзья: Юрий Башмет, Элисо Вирсаладзе, Наталия Гутман, близкие люди не покидали его. Он прожил несколько счастливых недель и первого августа 1997 года скончался. Его сердце уже не существовало как материя.

Четвертого августа с ним прощались в Музее имени А.С.Пушкина, у Ирины Александровны Антоновой, доверившей Рихтеру для ставшего знаменитым на весь мир фестиваля "Декабрьские вечера" самое дорогое — свой музей. Впускать толпы слушателей, зорко охраняя каждый квадратный сантиметр помещения, — это, наверное, под силу только И.А.Антоновой.

И вот тогда-то, именно четвертого августа 1997 года, после отпевания и похорон на Новодевичьем кладбище, Брюно Монсенжан впервые показал нам, тогда еще в рабочем варианте, свой фильм. В тот день любая тень ложного пафоса, любая фальшивая нота показались бы эдакой какофонией, но их не было, и фильм сразу предстал как откровение, как интимный рассказ и общечеловеческая трагедия. Был создан неискраженный облик Маэстро. Человека, отличного от всех. Не такого, как все.

Брюно Монсенжан — известный автор выдающихся фильмов о Гленне Гильде, о Давиде Ойстрахе, где проявил несравненное мастерство и талант в раскрытии образов великих музыкантов во всей их неповторимости, которая одна только и свидетельствует о гениальности. Сосредоточенный рассказ о музыкальных открытиях Гленна Гильды, о его Бахе, о гениальной скрипке Ойстраха, феноменального скрипача и воплощения честности в искусстве. Но фильм о Рихтере — несколько иного жанра, он не только о музыке, он о необъятной личности, о времени, о человеке. Здесь сошлось слишком многое — сам герой и преклонение перед ним автора. Он считал Рихтера сверхчеловеком и создал о нем фильм — грандиозную фреску о жизни и смерти, хвалу художнику, искусству, музыке и в то же время фильм, в котором Рихтер вдруг (для всех знавших его именно "вдруг"), с экрана, со-